

Юридический закон сквозь призму законов науки.

Н.В. Сильченко

Право и демократия: межвузовский сборник научных трудов. – Вып.6. – Минск: «Университетское», 1994. – С. 11 – 18.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЗАКОН СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЗАКОНОВ НАУКИ

Сильченко Н.В.

В философии можно считать устоявшимся мнение о том, что законы науки существуют относительно самостоятельно, представляют собой особую группу законов. Будучи сформулированными, они в той или иной мере обособляются от реальной, отражаемой ими действительности, а часто и противопоставляются ей, как особые, независимые явления¹. Существование законов науки наряду с социальными и юридическими законами выдвигает целый ряд вопросов: как взаимосвязаны объективные социальные законы с законами науки? Должен ли законодатель всегда смотреть на регулируемые им социальные процессы сквозь призму законов науки? Как должен поступить законодатель, если научных данных о регулируемых им отношениях нет либо они противоречивы?

Имманентные законы (т. е. законы природы, мышления и общества) и законы науки различаются между собой, по своей объективной природе. Они действуют независимо от того, знаем мы их или нет, имеем мы о них какое-либо представление или не имеем². Что же касается объективности законов науки, то она не похожа на объективность имманентных законов. Законы науки, будучи по своей природе истинами, имеют двойственную природу. Они объективны по своему содержанию и субъективны по форме выражения. Законы науки есть копия, образ, отображение реальных отношений, они существуют в понятийной форме, в форме знаков и символов. Вне и помимо человека никаких законов науки вообще не существует³.

Законы науки отличаются от имманентных законов и по содержанию. Это различие выражается прежде всего в том, что законы науки не могут в полной мере и в полном объеме выразить то, что составляет содержание имманентных законов. И дело здесь не только в том, что процесс человеческого знания бесконечен, а законы науки выражают лишь достигнутый уровень познания законов природы, мышления и общества, и, следовательно, знания о них постоянно углубляются и уточняются. Такое понимание несовпадения имманентных законов и законов науки по их содержанию совершенно правильное, но при этом достаточно тривиальное.

Можно указать еще на два обстоятельства, вследствие которых отражение содержания объективных законов в законах науки страдает не только неполнотой, но и неточностью. Они имеют гносеологическую природу и характеризуют сам процесс (способ) познания. Суть их можно в краткой и самой общей форме сформулировать в следующих положениях.

Во-первых, научное познание в строгом смысле слова является не просто отражением действительности, а ее воспроизведением. Имея в виду именно это обстоятельство, М. Бунге подчеркивает, что научное познание есть, скорее всего, процесс построения моделей реальности, чем процесс ее копирования, о чем свидетельствует факт использования наукой множества абстрактных объектов, не имеющих реального прообраза и центральной роли, которую играют в ней гипотезы⁴.

Если же речь идет о законах общественных наук, то к высказанным соображениям следует добавить еще и то, что неполнота и неточность отражения в законах науки содержания объективных социальных законов во многом обусловлена тем, что здесь вольно или невольно сказывается разнообразие социальных интересов, так называемый социальный заказ и мировоззренческие установки исследователей. Особенно заметен фактор интереса в познании политических и правовых закономерностей. В.А. Козлов справедливо отмечает, что знания, которые зафиксированы в нормах права с помощью законодательных определений, являются не просто результатом обобщения опыта социальной деятельности, но они служат продуктом идеологического осмысления социальных отношений сквозь призму определенных интересов⁵.

Во-вторых, наши знания об объективных социальных законах неполны и неточны вследствие того, что для проникновения в их содержание приходится использовать гносеологические средства, сообразуясь, с одной стороны, с природой изучаемого объекта⁶, а с другой – со сложившейся логикой понятийного аппарата науки. Иными словами, приходится переводить «язык» природы того или иного объективного социального закона на язык, который выработан наукой и доступен человеческому пониманию. Известно, что даже при переводе с одного литературного (т.е. человеческого) языка на другой никогда не удастся достичь полного смыслового и образного тождества, хотя у самых различных языков и наречий очень много схожих принципов и норм построения и функционирования. Когда же речь идет о том, чтобы выразить природу социального закона в терминах, символах и знаках человеческого языка, дело намного усложняется.

В.Н. Голованов пишет, что мысленный образ закона, облачившись в знаково-терминологический материал, представляет собой относительно верную копию объективного закона⁷. Несоответствие прообраза и его копии (законов науки) как бы запрограммировано заранее, следовательно, неполнота и неточность воспроизведения в законах науки содержания объективного социального закона не является лишь следствием искажений, происходящих вследствие человеческой ограниченности или незрелости науки, а есть своего рода объективная закономерность познания.

Исследуя проблему несоответствия законов науки объективным социальным законам, В.Н. Голованов образно называет факт образования такого несоответствия своеобразным «люфтом»⁸. Мне представляется, что применительно к процессу познания в законотворчестве и созданию юридических законов уместно говорить о «двойном люфте». Дело в том, что об объективных социальных законах законодатель в основном знает только то, что содержится в законах науки. Переводя данные научного знания на язык юридического закона, законодатель тем самым еще более искажает в юридическом законе точность и полноту содержания объективных социальных законов. И, таким образом, оказывается, что по полноте и точности отражения в своем содержании объективных социальных законов юридический закон отстоит от них еще далее, чем законы науки. В этой связи следует вывод о том, что современный законодатель, вынужденный использовать в своей деятельности законы науки, приобретает в лице науки не только надежного помощника, но в то же время и заведомо профессионального «лжеца». Целесообразно сделать при этом два замечания.

Первое состоит в том, что известное предубеждение законодателя против законов науки и иных научных данных, противопоставление им практического опыта вполне оправдано. Важно только, чтобы оно не перерастало в недоверие к науке и пренебрежение ее данными. Понимание законодателем того обстоятельства, что

искажение в науке подлинной картины объективных социальных процессов происходит в силу естественной, свойственной научному (равно как и практическому, т.е. опытному) познанию объективной закономерности, что оно просто неизбежно, а сила научного познания велика, но все же ограничена, ориентирует его на иные пути, способы и формы получения знания о регулируемых им общественных отношениях, в том числе на отечественный и зарубежный опыт законоотворчества, иные способы познания мира.

Второе замечание касается смягчения неточности и неполноты отражения социальных процессов уже в юридических законах, т.е. устранения второго «люфта». Дело в том, что современный законодатель очень часто использует лишь определенную, порой – выгодную ему, часть научных данных и пренебрегает всей полнотой научного видения тех или иных социальных проблем. Такой подход к использованию науки в законоотворческом процессе не просто искажает существо и содержание регулируемых общественных отношений, а искажает их дважды. В этом отношении использование законодателем объема накопленных научных данных несомненно предпочтительнее использования их части. Подчеркну в этой связи то, что очень важной и практически неразработанной проблемой общей теории права является вопрос о том, как происходит искажение научных данных, и прежде всего законов науки в процессе их перевода на язык закона юридического, и каковы пути и способы их смягчения, а по возможности и устранения неточностей и искажений в этом деле.

Объективные социальные законы имеют огромное множество неповторимых, специфических форм своего проявления. Законы же, которые формулируются наукой, представляют собой не что иное, как чистую абстракцию. В обществе, как и в природе, нет законов вообще. Они органически слиты с явлениями⁹. Закон же науки всегда един, он отвлекается от различных модификаций объективного социального закона, от реальных конкретных связей и поэтому он беднее, грубее, проще социального закона¹⁰.

В рассматриваемом отношении юридический закон занимает промежуточное положение между законами науки и объективными социальными законами. Подобно законам науки, юридический закон имеет абстрактный характер. Он отвлекается, абстрагируется даже от некоторых свойств объективного социального закона, которые представляют несомненный интерес для науки. В то же время абстрактность юридического закона имеет важное отличие от абстрактности закона науки. Даже у самого общего по своему содержанию юридического закона есть предел (граница) абстрактности. Он очерчивается уже хотя бы минимальными регулятивными возможностями закона, выход за рамки которых превращает юридический закон в голую декларацию, а его существование в качестве юридического закона становится просто бесполезным, а потому и бессмысленным. Предела же абстрактности законам науки поставить практически нельзя.

Абстрактность юридического закона имеет однобокий, избирательный характер. Это означает, что юридический закон не может не учитывать и не отражать конкретных форм проявления и действия объективных социальных законов. Юридический закон не может слиться, подобно социальному закону, с явлениями, «раствориться» в многообразии социальных связей. Он отвлекается от одних форм проявления социальных законов (и здесь он ближе к законам науки), но учитывает в полной мере те формы, которые представляют интерес для общества и законодателя.

Из положения о закономерности, объективной обусловленности неполноты и неточности отражения в законах науки объективных социальных законов вытекает несколько очень важных для теории и практики законоотворчества выводов.

Прежде всего, следует отметить то, что, ориентируясь на законы науки, законодатель никогда не сможет до конца воплотить в практике законоотворчества

требование об адекватности юридических законов реальным общественным отношениям вообще и объективным социальным законам в частности. Не слабость науки, не ошибки и некомпетентность законодателя (в чем его очень часто упрекают и что, конечно же, имеет иногда место на самом деле) тому причиной, а особенности самого процесса познания социальной действительности и перевода объективной логики содержания социальных законов в начале на язык законов науки, а затем и на язык юридического закона.

Следовательно, проблема адекватного отражения в юридическом законе регулируемых общественных отношений состоит вовсе не в том, чтобы постигнуть в полной мере их природу, выяснить содержание и т.д. Это, вообще - то говоря, задача не столько законодателя, сколько общества в целом и науки, в частности. Существо проблемы, как представляется, состоит в выяснении того, как и насколько искажается реальная картина социальной действительности в результате сначала ее научной интерпретации, а затем – юридического оформления. Такое понимание вопроса позволяет сориентировать законодателя на то, чтобы предусмотреть в законах и правовой системе в целом механизмы и процедуры, позволяющие по возможности блокировать неизбежные в законотворчестве искажения подлинной природы регулируемых общественных отношений.

К числу механизмов, о которых здесь идет речь, можно отнести, на мой взгляд, ряд известных в теории и истории источников права – прецедент, правовой обычай, договор нормативного содержания, ибо с их помощью правовая система получает дополнительные возможности более точного и полного выражения в ней подлинной природы общественных отношений. Закон как исключительно рациональная форма права не в состоянии охватить всего многообразия форм действия социального закона. Сухой, рациональный закон обречен на то, что должен быть не только приспособлен к реальной действительности, но и вовремя скорректирован без нарушения основных принципов и положений еще до того, как в него будут внесены законодателем соответствующие изменения. А это и позволяют сделать как раз иные источники права, и прежде всего – правовой прецедент и договор нормативного содержания. Они с одной стороны, позволяют свести к минимуму отрицательные последствия неизбежного искажения в законе регулируемых общественных отношений, а с другой – усиливают стабильность самого закона и позволяют сохранить его регулятивное воздействие на социальные процессы. Так что в рассматриваемом контексте проблема иных, кроме закона, источников права в правовой системе решается вполне положительно.

Если юридический закон не в состоянии адекватно выразить содержание регулируемых им общественных отношений, то возлагать всю ответственность (как это принято сейчас) на законодателя было бы не только неправильно, но и несправедливо. Ее должны в равной мере разделить как общество в целом, так и наука вообще и юридическая наука в частности. Законодатель может отвечать лишь за то, что пренебрегает научными данными либо неверно их интерпретирует и переводит неквалифицированно на язык юридического закона. Следовательно, авторитет, верховенство закона определяются не только деятельностью законодателя, его местом в системе органов власти и управления; не в меньшей мере они зависят от строения правовой системы государства, способности ее быстро и гибко отреагировать на неизбежные недостатки закона, смягчить их проявление, поддержать тем самым престиж закона в глазах населения. Зависят они также от общего уровня образованности общества, его правосознания, понимания того обстоятельства, что качество и престиж закона – понятия не только правовые, но и социально-психологические. Понимание объективной обусловленности многих недостатков юридических законов, терпимость к неудачам и промахам

законодателя со стороны общества способствуют укреплению законности и правопорядка в стране, повышают авторитет закона.

Законы науки обладают тенденцией к некоторому консерватизму, к отставанию от проявления и действия имманентных законов¹¹. Законы науки «сгущают» знания; они уплотняют знания лишь в определенном отношении, а именно в отношении устойчивости объективных социальных законов, и не охватывают тех разнообразных изменений, которыми богаты объективные социальные законы¹². В своей совокупности законы науки есть грубая, односторонняя схема социальных процессов. Именно потому, что законы науки представляют собой столь «жесткую» категорию, они и включают в себя некий «фиктивный момент»¹³.

Отмеченное свойство законов науки в их сопоставлении с объективными социальными законами позволяет несколько под иным углом зрения посмотреть и на такое свойство юридического закона, как его стабильность. Когда говорят и пишут о том, что юридический закон должен быть стабильным, то допускают, на мой взгляд, очень существенную ошибку. Суть ее состоит в том, что юридическому закону почему-то заранее, как бы изначально, приписывается данное качество и от законодателя требуется во что бы то ни стало издавать такие законы, которые бы отличались устойчивостью и стабильностью. Происходит это во многом потому, что юридической наукой было некорректно заимствовано положение из философской литературы о стабильности законов. При этом было выпущено из виду то обстоятельство, что как в философии, так и в иных общественных науках речь прежде всего идет о законах науки, о том, как они представляют себе имманентные законы, а не об объективных социальных законах. Иными словами, не было принято во внимание различие между законами науки и объективными социальными законами.

В данном случае мы имеем дело с гносеологическими «чудесами», когда символическая и терминологическая форма отождествляются с самими объективными социальными законами. Отмечая данное обстоятельство, В.Н. Голованов указывает, что игнорирование гносеологической природы законов науки приводит к тому, что законы науки проецируются на объективную действительность, которой в результате приписывается то, что является лишь моментом познавательного процесса¹⁴.

Законы науки – одно из необходимых среди множества других средств создания юридических законов. Законодатель не может и не должен связывать себя в законотворческом процессе данными науки, равно как и пренебрегать ими, он должен четко представлять, что регулирует не законы науки, а реальные общественные отношения, движением которых управляют объективные социальные законы. В образной форме один из классиков правовой науки Р. Иеринг выразил эту мысль так: «Наука должна оставить кесарю кесарево, но и кесарь науке – научное»¹⁵.

Далеко не каждый и не всякий юридический закон отражает закономерности общественного бытия, а значит, – устойчивое в регулируемых общественных отношениях. Это может подтвердить либо опровергнуть только практика осуществления юридического закона. И только она способна показать, будет тот или иной юридический закон стабильным или же нет. Поэтому о юридическом законе можно говорить как о стабильном акте лишь в том смысле слова, что он должен отражать закономерную, устойчивую связь явлений, понимая в то же время всю условность такого определения закона в юридической науке.

- ¹ Рачков П. А. Главная задача научного исследования // Проблемы закона общественных наук. М., 1989. С. 8.
- ² Сирин А. Д. Закон как философская категория // Вопр. марксистской философии и эстетики. Иркутск, 1971. С. 49.
- ³ Там же.
- ⁴ Бунге М. Причинность. М., 1962. С. 286.
- ⁵ Козлов В.А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. Л., 1989. С. 18.
- ⁶ Голованов В. Н. Гносеологическая природа законов науки. М., 1967. С. 63.
- ⁷ Там же. С. 62.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Сирин А. Д. Указ. соч. С. 50.
- ¹¹ Там же. С. 53.
- ¹² Голованов В. Н. Законы в системе научного знания. М., 1970. С. 78.
- ¹³ Голованов В. Н. Гносеологическая природа законов науки. С. 69.
- ¹⁴ Там же. С. 83.
- ¹⁵ Иеринг Р. Юридическая техника. СПб., 1905. С.83.